

относительно высказанных в литературе точек зрения по интересующему ее вопросу довольно убедительны. В целом очерк производит хорошее впечатление.

В первом томе «Кавказского этнографического сборника» помещена еще одна работа об абхазах — сокращенный вариант диссертации Л. Х. Акаба «Абхазы Очамчирского района». В этой работе Л. Х. Акаба добросовестно и со знанием дела отмечает изменения в хозяйстве, быту и культуре, в общественных и семейных отношениях абхазов, происшедшие в советскую эпоху.

К сожалению, обе работы об абхазах, едва появившись в свет, несколько устарели. Это объясняется тем, что со времени написания их и до опубликования прошло не менее трех лет. Такую медлительность с печатанием кандидатских диссертаций молодых этнографов-кавказоведов нельзя не поставить в упрек Институту этнографии и Издательству АН СССР.

Большой интерес представляет историко-этнографический очерк Л. И. Лаврова «Абазини». Автор поднимает и успешно разрабатывает один из малоизученных вопросов этнографии народов Северного Кавказа.

«Кавказский этнографический сборник в какой-то мере заполняет существующий пробел в советской литературе по вопросам кавказоведения. Надо пожелать, чтобы очередные тома «Сборника» выходили регулярно и чтобы, наряду с ними, систематически издавались сборники исследований и материалов по этнографии других народов СССР и зарубежных стран.

А. М. Аршаруни

Сборник статей по истории Кабарды, вып. 3. Кабардинский научно-исследовательский институт, Нальчик, 1954.

С 1951 г. Кабардинский научно-исследовательский институт наряду с «Учеными записками» публикует «Сборники статей по истории Кабарды». В первый и второй выпуски этого издания вошли статьи собственно исторического характера. В третьем выпуске наравне с историческими значительное место отведено также этнографическим работам, которые и являются предметом настоящей рецензии.

Этнографические исследования имеют в Кабардинской АССР особенно большое значение, так как количество документальных источников по истории бесписьменной в прошлом Кабарды очень ограничено и данные этнографии являются важным, в ряде случаев решающим историческим источником. Только этнография в контакте со смежными дисциплинами может пролить свет на такие все еще не решенные вопросы, как соотношение земледелия и скотоводства в дореформенной Кабарде, особенности кабардинского феодализма и т. п. Вокруг этих вопросов уже ряд лет ведутся научные споры¹, остающиеся незавершенными и в значительной мере беспочвенными именно вследствие слабой этнографической изученности Кабарды. Вот почему появление каждой новой серьезной работы по этнографии кабардинцев, касающейся указанной выше тематики, следует всячески приветствовать.

Этнографическая часть сборника открывается большой статьей Е. Н. Студенецкой «Быт и культура кабардинского народа (XVIII—XIX вв.)». Как указывает автор, это — историко-этнографический очерк, предназначенный для включения в коллективный труд по истории Кабарды, в частности в главы о социально-экономическом строе. Работа Е. Н. Студенецкой состоит из небольшого историко-культурного введения и ряда разделов, охватывающих все важнейшие стороны быта кабардинцев: основные занятия, промыслы и ремесла, селения и жилище, пища и утварь, одежда, семейно-общественный быт, религиозные верования, народное искусство. Таким образом, эта работа является первой в кавказоведческой литературе попыткой дать общую картину быта феодальной Кабарды и, надо сказать, попыткой в основном удачной. Особенно отрадное впечатление производит то обстоятельство, что автор не только внимательно анализирует описываемые явления с точки зрения их классовой сущности, не только в ряде случаев прослеживает их историю и причины бытования, но и стремится показать их связь с национальным характером кабардинцев (пища, одежда, орнамент, танцы и т. п.). Это, конечно, делает работу более уязвимой со стороны критики, но зато гораздо более интересной, нежели работы тех, к сожалению, еще довольно многочисленных авторов, которые осторожно остаются в рамках одного лишь фактографического описания. С этим же отчасти связаны некоторые спорные или, на наш взгляд, неверные положения автора, к рассмотрению которых мы переходим.

Нам представляется несомненным, что при изучении национального характера, как и при любом этнографическом исследовании, должна быть выявлена этническая специфика, конкретные этнические особенности. Однако Е. Н. Студенецкая идет по этому пути далеко не всегда. Она говорит о таких национальных чертах кабардинцев, как любовь к родине, свободе и независимости (стр. 145), благородство (стр. 191) и т. п., т. е. констатирует черты, характерные для всех народов, не выявляя специфических черт кабардинцев, присущих им одним. Думается, что в конкретном этнографическом исследовании подобного рода характеристики выглядят как общие места: они,

¹ См. отчеты о научных сессиях Кабардинского научно-исследовательского института в его «Ученых записках» и рецензируемом сборнике.

бесспорно правильны, но бессодержательны. В другом случае автор рассматривает как национальную черту кабардинцев умеренность в пище, что, по его словам, объясняется «не столько недостатком пищи, сколько вообще всем характером быта пастуха, наездника, воина, охотника, условиями, в которых трудно было рассчитывать на правильный и регулярный прием пищи» (стр. 161). Однако из той же статьи видно, что пастушество не было главным занятием большинства кабардинцев, охота являлась подсобным занятием для ограниченного круга людей, а наездниками и воинами в феодальной Кабарде были преимущественно феодалы и их дружинники. В другом месте работы говорится о явно недостаточном питании основной массы народа (стр. 163): видимо, именно в этом коренились причины умеренности в еде в дореволюционном прошлом, повсеместно характерной для широких масс населения.

Говоря о распространении ислама в Кабарде, Е. Н. Студенецкая совершенно правильно подчеркивает его реакционную роль, но отдельные попытки конкретизации этого общего положения кажутся нам спорными. «Насильственное внедрение ислама турками и крымскими ханами в Кабарде,— говорится в работе,— наложило реакционный отпечаток на культуру народа. Под влиянием ислама, распространявшегося огнем и мечом, начали изменяться многие народные обычаи, исчезать первобытные верования и остатки христианства... Мусульманское образование, как это будет видно далее, затемняло сознание кабардинцев» и т. д. (стр. 145). Думается, что автор здесь несколько упрощает диалектически сложный вопрос о роли ислама в Кабарде. Насильственно насажденный как идеологическое знамя отторжения кабардинцев от дружественного русского народа и его культуры, ислам сыграл большую реакционную роль в истории Кабарды. Но можно ли вообще усматривать реакционный отпечаток и в культуре народов, исповедующих ислам? Носит ли, например, реакционный отпечаток культура тех многочисленных народов Азии и Африки, среди которых ислам был распространен огнем и мечом? Конечно, не носит, хотя ислам как классовая религия внес в эту культуру определенные изменения, способствовавшие укреплению классового строя общества, а как религия завоевателей — изменения, способствовавшие упрочению их господства. А между тем автор, следуя принятой им схеме, усматривает реакцию, регресс даже в смене первобытных верований исламскими, даже в появлении мусульманского образования. Е. Н. Студенецкая, видимо, не учла, что в эпоху феодализма образование повсюду было религиозным и что сознание затемнялось не только мусульманским, но и всяким религиозным образованием.

Иного порядка, но сходную по характеру ошибку делает автор в вопросе о влиянии на культуру и быт кабардинцев передовой русской культуры. По словам автора, «надо видеть обе стороны этого влияния: положительную, обусловленную тесным общением с русским народом, и отрицательную, связанную с колониальной политикой царизма (стр. 146). В действительности культурная связь Кабарды с Россией, несмотря на все попытки царизма сохранить экономическую и культурную отсталость Кабарды, имела только одну — положительную сторону. Двойственным было общее положение Кабарды: с одной стороны, колониальный гнет, с другой — огромное значение присоединения к России для прогрессивного развития кабардинской экономики, культуры и общества. В рецензируемой работе это влияние высокой русской культуры хорошо показано на ряде конкретных примеров; к сожалению, хуже обстоит дело с показом культурных связей Кабарды с другими адыгами и Грузией, важность чего подчеркнута самим автором во введении.

Еще более серьезный упрек вызывают разделы, посвященные хозяйственному и общественному быту кабардинцев. Хорошо понимая, какое значение имеют этнографические данные для уточнения характера хозяйства и общества дореформенной Кабарды, автор счел возможным обойти молчанием наиболее сложные и острые вопросы, встающие при разработке этой темы. В разделе «Основные занятия» нет прямого ответа на давно волнующий историков вопрос о соотношении земледелия и скотоводства: последнее названо «второй основой», в отдельные исторические периоды приобретавшей «особое значение» (стр. 149—150). Ни в этом разделе, ни в разделе «Семейно-общественный быт» не говорится о конкретных формах эксплуатации в земледельческом и скотоводческом хозяйстве; отмечаемое в общем виде прикрытие феодальных отношений родовыми пережитками конкретизируется лишь на нескольких второстепенных и уже фигурировавших в литературе примерах феодализации родовых институтов взаимопомощи, гостеприимства и т. п. Видимо, именно стремлением автора уйти от большого вопроса о конкретных чертах кабардинского феодализма объясняется и объединение семейного быта с общественной жизнью в одном, композиционно нестройном разделе, и нечеткость ряда положений этого раздела. Так, по словам автора, «в феодальной Кабарде сохранялся патриархальный (а не патриархально-феодальный.— Я. С.) быт» (стр. 170). В соответствии с этим кабардинский эльзэк (группу отцовских родственников-однофамильцев, реликт распавшегося отцовского рода) Е. Н. Студенецкая рассматривает как род и говорит о живых еще вплоть до XIX в. родовых отношениях (стр. 171). В дальнейшем обстоятельно характеризуются патриархально-родовые этикет, нормы поведения, в то время как феодальный этикет оставляется без внимания. Несколько раз (стр. 148, 153) говорится об изобилии в Кабарде земли, в результате чего повисает в воздухе основа кабардинского феодализма. Вызывают досаду и некоторые другие, более частные оплошности. Так, нельзя согласиться с автором, что большая семья сложилась «на грани установления классового общества» (стр. 174); известно, что она возникла с установлением патриархата.

Неверно, что при кровной мести умышленное и неумышленное убийство всегда каралось одинаково (стр. 180), — уменьшение меры возмездия при случайном или неосторожном убийстве хорошо известно в этнографии, в том числе и у народов Кавказа (аварцев, осетин).

Предназначенная для включения в большой труд по истории Кабардинской АССР интересная и ценная работа Е. Н. Студенецкой, несомненно, подвергнется еще некоторой доработке. Можно думать, что при этом будут не только устранены отдельные неудачные формулировки, но и в какой-то мере восполнен существенный пробел историко-этнографической характеристике хозяйства и общества дореформенной Кабарды. Последнее, наряду с дополнительными полевыми сборами, потребует привлечения архивных материалов (прежде всего материалов ЦГА Каб. АССР и ЦГВИА), совершенно не использованных в данной работе.

Значительный интерес представляет и вторая этнографическая статья сборника — напечатанная в порядке обсуждения работа Л. И. Лаврова «О происхождении народов северо-западного Кавказа». Автор стремится показать автохтонность (по крайней мере с эпохи раннего металла) абхазо-черкесов северо-западного Кавказа, которых он считает потомками восточной группы киммерийских племен. Одновременно прослеживаются главные этапы их этнической истории: множественность племен северо-западного Кавказа в скифо-сарматскую эпоху, их постепенная консолидация вокруг меотского, а с середины I тысячелетия н. э. зихского и абазгского центров, формирование абхазского, абазинского, черкесского и кабардинского народов.

Многие из рассматриваемых здесь Л. И. Лавровым вопросов уже не раз поднимались в литературе. Однако предлагавшаяся аргументация в большинстве случаев носила ограниченный, односторонний, порой даже случайный характер. Напротив, в работе Л. И. Лаврова сведены многочисленные данные лингвистики, археологии и античных источников, в своей совокупности представляющие серьезные доказательства в пользу большинства указанных выше положений автора. Выделяется, в частности, свежее этнонимическое и топонимическое обоснование автохтонности предков абхазо-черкесских племен северо-западного Кавказа (стр. 194 и сл.) и их расселения в античное время (стр. 200—201), удачное дополнение этими же данными археологических свидетельств о древних связях северо-западного Кавказа с Крымом и югом Украины (стр. 197—198). Все же не все положения автора подкреплены достаточно убедительной аргументацией. Так, предположение о киммерийском происхождении абхазо-черкесов, основанное на сопоставлении некоторых мест «Истории» Геродота (скифы вытеснили киммерийцев и захватили их земли; в то же время скифы обитали к западу от Дона и в степях Крыма, т. е. не заняли всех киммерийских земель), является лишь догадкой и, конечно, не может быть принято без других, более основательных доказательств. В других случаях выводы автора не могли быть не ослаблены тем что вне его поля зрения остались данные этнографии. Так, например, положение о первоначальном поселении кабардинцев рядом с шансугами (стр. 106—107), аргументируемое одними лишь данными лингвистики, могло бы, возможно, получить дополнительное солидное обоснование со стороны этнографии (орнаментальные мотивы, версии фольклора и т. п.). Бросается в глаза также и отсутствие данных антропологии, особенно важных для изучения ранних этапов этногенеза.

Заметным пробелом в работе Л. И. Лаврова представляется отсутствие в ней развернутого критического обзора различных точек зрения на происхождение и основные этапы этнической истории абхазо-черкесов. Ограничившись изложением положительной части исследования, автор как бы сузил значение своей работы. Упоминаемые в начале статьи миграционистские теории дореволюционных авторов отменяются «сплеча». Более подробно рассматриваются взгляды Н. Я. Марра, однако и здесь критика имеет несколько упрощенный характер. Так, опровергая вульгарный автохтонизм Н. Я. Марра, автор приводит ряд весьма поздних миграций, в числе которых фигурируют даже переселения в Турцию в 60—70-х гг. прошлого века (стр. 196). Вряд ли стоило говорить о подобных миграциях: ведь переселений, проходивших на глазах истории, не отрицали самые крайние последователи Марра. Некоторое сожаление вызывает и такой чисто технический момент, как отсутствие обычных литературных ссылок на многочисленные в работе сообщения древних авторов (ссылки на работы современных авторов имеются). Невольно задаешься вопросом: почему Страбон и Помпоний Мела поставлены автором в столь неравное положение с А. А. Иессеном и В. Д. Блаватским?

Все это, однако, лишь частности, которые не меняют общего весьма положительного впечатления от рецензируемой статьи Л. И. Лаврова, явившейся новым успешным шагом в его исследовании этногенеза абхазо-черкесских народов.

Вопросов этнической истории центрального Кавказа отчасти касается и П. Г. Акритас в заметке «Древнейшее название горы Бештау». Работы такого типа не лишены не только краеведческого, но и научного интереса, но в данном случае заметка производит впечатление некоторой надуманности. Автор приводит различные названия горы (адыг. Ошхитху, тюрк. Бишдаг и Бештау, русск. Пятигорье) и пространно доказывает, что «наиболее древним из этих названий было Ошхитху» (стр. 211), хотя и без того хорошо известно, что древнейших насельников этой области — аланов сменили не турки и не русские, а кабардинцы. В научном отношении в заметке встречаются несообразности: «тюрко-татарский язык» (стр. 208, 209, 211), анализ текстов Иби-

Батутта на основе «дел Пятигорского курортного музея» (стр. 209), «кабардинский» город в VI в. (стр. 212) и т. п.

Рецензируемый сборник показывает, что этнографические исследования уже заняли заметное место в работе историков Кабарды. Это настоятельно требует усиления активности этнографов, дальнейшей разработки старых и постановки новых исследовательских тем, в частности тем этнографии советского общества. Надо надеяться, что все это получит отражение в следующих выпусках «Сборника статей по истории Кабарды».

Я. Смирнова

Татар Халык Ижаты (Татарское народное творчество), Казань, 1954.

Сборник «Татарское народное творчество», второе издание которого недавно вышло в свет, представляет значительное явление в области изучения татарского фольклора. Рассчитанный в основном на массового читателя, сборник является одним из немногих обобщающих изданий и рекомендуется составителями как пособие для высших учебных заведений. Сочетание установки на массового читателя с установкой на учебное пособие, конечно, должно было отразиться и на характере самого сборника, и на вступительной статье к нему. Неизбежно должны были возникнуть серьезные трудности. С этими трудностями, надо сразу же сказать, составители в основном справились.

Профиль сборника определил самое расположение материала в нем. Сборник открывается разделом народного творчества советского периода; за ним следует раздел дореволюционного фольклора. Это расположение материала вполне обоснованно. Надо согласиться с мнением составителей сборника, которое сформулировано в предисловии к первому изданию: в сборнике, подготовленном в основном для массового читателя, народное творчество нашего времени закономерно выдвигается на первый план.

Материал, опубликованный в сборнике, в основном также вызывает одобрение. Сборник представляет татарский фольклор достаточно полно. Привычные разделы песен, сказок, баянов, пословиц и загадок в книге разнообразятся и такими видами народного творчества, как пльсовые припевки, а также шутки о Ходже Насреддине, появившиеся в годы Великой Отечественной войны. Оставляет некоторое неудовлетворение только подбор песен. В сборнике, к сожалению, не опубликованы некоторые любимые татарские песни, например «Тэфтилэу», «Зэнгэр шэл», «Галия бану», «Тау астында салкын чышмэ», «Хэмдия», «Уракчы кыз». «Нигэ, нигэ сине шаян кузлэр». Без таких песен представление о песенном творчестве татарского народа неполно. То обстоятельство, что некоторые из этих песен имеют известных нам авторов, ни сколько, думается, не мешает их включению в сборник.

Как положительный факт особо следует отметить, что впервые за последнее время в обобщающий сборник включен материал по татарскому обрядовому фольклору (свадебные песни). Хорошо также и то, что в предисловии к сборнику даются краткие, но ясные сведения об обрядовой поэзии татар, по своему происхождению нередко связанной с древними народными верованиями. При этом правильно указывается, что влияние ислама содействовало сужению и заглушению этого вида народного творчества. Об этом свидетельствуют такие факты, как, например, запрет шариата оплакивать умерших, причитать над ними (это расценивалось как протест против воли божьей).

Татарские свадебные песни, включенные в сборник, являются отражением живых народных обычаев и поэтому имеют несомненную познавательную ценность.

Сборник не только удачно и полно представляет жанры татарского фольклора; в нем очевиден строгий и тщательный подбор текстов. Особенно отродно отметить хороший подбор материалов советского народного творчества: приводятся образцы советского фольклора, полноценные и в идейном и в художественном отношении. В первую очередь это относится к песням и байтам.

Тщательность подбора и требовательность должны, конечно, проявляться в каждой мелочи, потому что иногда пустячный, казалось бы, недочет может повредить красоте и значению целого произведения. В этом отношении в сборнике все же есть некоторые недостатки. Так, в песне «Кыска кара урман» («Дремучий лес»), приведенной в сборнике, имеется следующая строфа:

Кара урман аша	(Вдоль всего дремучего леса
Кошлар сайраша,	Поют птицы,
Хайран тамаша.	Удивление и великолепие...).

Так, кстати сказать, исполняет ее по радио и певица Зыфа Басырова. Песня эта — одна из стариннейших татарских песен, и в народе имеется другой ее вариант:

Кара урман аша	(Вдоль всего дремучего леса
Кошлар сайраша,	Поют птицы,
Башлар адаша.	Сбиваются с пути буйные головушки...).